

8. Колшанский Г. В. Некоторые вопросы семантики языка в гносеологическом аспекте [Текст] / Г. В. Колшанский // Принципы и методы семантических исследований. – М., 1976. – С. 5-31.
9. Пименова М. В. Этногерменевтика языковой наивной картины внутреннего мира человека: [монография] [Текст] / М. В. Пименова. – Кемерово: Кузбассвузиздат, Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 1999. – 262 с. (Серия "Этногерменевтика и этнориторика". Вып. 5).
10. Пименова М. В. Концепты внутреннего мира (русско-английские соответствия): дис. ... докт. филол. наук / Марина Владимировна Пименова. – СПб., 2001. – 497 с.
11. Пименова М. В. *Душа* и *дух*: особенности концептуализации: [монография] [Текст] / М.В. Пименова. – Кемерово: ИПК "Графика", 2004. – 386 с. (Серия "Концептуальные исследования". Вып. 3).
12. Пименова М.В. Особенности репрезентации концепта *чувство* в русской языковой картине мира [Текст] / М. В. Пименова // Мир человека и мир языка: коллективная монография. – Кемерово, ИПК "Графика", 2003. – С. 58-120 (Серия "Концептуальные исследования". Вып. 2).
13. Пименова М. В. Концепт *сердце*: образ, понятие, символ: [монография] [Текст] / М.В. Пименова. – Кемерово: КемГУ, 2007. – 500 с. (Серия "Концептуальные исследования". Вып. 9).
14. Пименова М.В. Методология концептуальных исследований / М.В. Пименова // Антология концептов: словарь / Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. – М.: Гнозис, 2007. – С. 14-16.
15. Потебня А.А. Мысль и язык [Текст] / А.А. Потебня. – Киев: СИНТО, 1993. – 190 с.
16. Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII – первой половины XVIII в. [Текст]; сост. Л.Г. Панин. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд., 1991. – С. 141.
17. Словарь символов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/simvol/778>
18. Смирнов Ю.И. Сердце и печень врага [Текст] / Ю.И. Смирнов // Сибирский филологический журнал. – 2004. – № 2. – С. 4-25.
19. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. [Текст] / М. Фасмер; изд-е 2-е, стереотип. – М.: Прогресс, 1987.
20. Фрейденберг О.М. Миф и литература древности [Текст] / О.М. Фрейденберг. – М.: Наука, 1978. – 605 с. (Серия "Исследования по фольклору и мифологии Востока").
21. Фрэйзер Дж. Золотая ветвь [Текст] / Дж. Фрэйзер. – М.: Изд-во политической литературы, 1986. – 703 с.

УДК 811.161.1

Ирина Синица
(Киев)**ИНОФОН КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВОПЕРСОНОЛОГИИ**

Стаття присвячена аналізу теорії мовної особистості з погляду антропоцентричної парадигми у лінгвістиці, вивченню особливостей її інтерпретацій у вивченні іноземних мов, зокрема дискутується питання про вторинну мовну особистість.

Ключові слова: мовна особистість, лінгвоперсоналогія, іноземна мова.

In this paper the author considers the theory of langual personality as a realization of anthropocentric paradigm of linguistics, studies its transformation in terms of learning foreign languages, discusses the question of the secondary langual personality.

Key words: langual personality, foreign language.

Антропоцентризм сучасної лінгвістики в цілому обумовлене перш за все центральною позицією людини в усіх напрямках її досліджень: граматиці, стилістиці, лінгвістиці тексту, дискурсивній лінгвістиці і др.

Личність стала одним з центральних, достатньо глибоко і всесторонньо вивчених понять в циклі гуманітарних дисциплін: психології, філософії, соціології і др.

Взаимосвязь и взаимообусловленность терминов "человек – индивид – личность" отмечается в большинстве работ. При этом личность понимается как субъективное воплощение индивида, его идеальная представленность в других людях, его инобытие в них и в себе как "другом", то есть его персонализация личная и общественная [11, с. 349]. В психологии, философии, социологии признаётся "коллективистическое самоопределение" личности. Актуализация личностного начала индивида здесь оценивается по совокупности (в "ансамбле") предметных, вещественно осязаемых отношений данного индивида к другому индивиду (индивидам), опосредованных через созданные вещи, точнее, через действия с этими вещами (к числу которых относятся и слова естественного языка). Поэтому поиск структуры личности осуществляется вне органического тела индивида (вне биологического человека) во "внутреннем пространстве личности" [4, с. 216].

Несводимость личности, с точки зрения психологии, лишь к интраиндивидуальному (субъективному) создаёт, таким образом, основания для рассмотрения в структуре личности и объективных (коллективистических) составляющих. Субъективное в личности, на наш взгляд, соизмеряется с внутренним пространством индивида, познание которого возможно лишь в процессе социологизации индивида, осуществляемой и в коммуникативной деятельности. Объективный компонент в структуре личности актуализируется в результате анализа и синтеза субъективных (интраиндивидуальных) характеристик личности как её типичных социокультурных проявлений. Диалектика субъективных и объективных составляющих философского понимания личности соответственно отражается и в различных психологических, лингвистических, культурологических типологиях личности.

Закономерным этапом в философском осмыслении личности, осознании её общественных начал стала разработка понятия "языковой личности" в современной философии, в рамках которой данное терминологическое словосочетание осмысливается как новое понятие. Языковую личность в философии определяют как целостное системное образование, определяемое совокупностью непрерывно взаимодействующих между собой знаков и символов, свойств, отношений и действий индивида. Языковой личности как системе свойственны следующие качественные характеристики: доступность, коммуникативность, деятельное начало, чувство реальности, гносеологические мотивы,мыслеобразующая функция, демонстративный фактор, эстетическая направленность, ментальность [1, с. 48-53].

В отличие от психологии, где в центре внимания чаще находятся эмоционально-волево-инициативные проявления личности, её социальные характеристики и структура, в отличие от философии, где систематизируются свойства личности, позволяющие охарактеризовать её как языковую, правовую и др., лингвистов прежде всего интересуют интеллектуальные, когнитивные, коммуникативные характеристики индивида, имеющие языковое выражение.

Филологическая интерпретация понятия "языковая личность" в русистике, прежде всего, связана с попытками описания особенностей отражения мышления индивида в созданных им текстах. Говоря о введении термина "языковая личность", многие исследователи вслед за В.И. Карасиком утверждают о первенстве Ю.Н. Караулова [5]. Хотя сам ученый в своем труде, ставшем уже классическим, называл В.В. Виноградова одним из тех, кто ввел в научный обиход это понятие, и посвятил анализу концепции автора параграф "Понятие языковой личности в трудах В.В. Виноградова" [7, с. 27-35]. Анализируя возможные пути попадания языковой личности в поле зрения лингвистики, а именно психолингвистический, лингводидактический, Ю.Н. Караулов так характеризует путь, избранный В.В. Виноградовым: "...ставя своей задачей исследование языка художественной литературы во всей его сложности и всем многообразии, он видит элементарный уровень, элементарную клеточку, отправной момент в изучении этого вербального целого – в индивидуальной речевой структуре" [7, с. 29]. Начиная с работ В.В. Виноградова, определяя личность как языковую, мы тем самым характеризуем способности человека к речемыслительным действиям. Данные способности каждый индивид реализует по-разному, демонстрируя разный уровень владения богатствами определённого языка. Описывая

особенности индивидуального использования языка, мы тем самым объективируем идеальные черты личности, актуализированные с помощью языковых средств.

Наиболее полно теория языковой личности как самостоятельного объекта лингвистических исследований разработана Ю.Н. Карауловым [7, с. 38]. Именно с этого времени наблюдаем процесс его мультипарадигмального изучения внутри языковедения. Считаем важным подчеркнуть, что личность определяется языковой прежде всего потому, что язык является главным средством выражения индивидуально-личностных черт человека в целом. При этом мы имеем все основания говорить отдельно о правовой, экономической, актерской и т. д. личностях как социально обусловленных вариантах языковой личности. На социальную и лингвостилистическую обусловленность изучения черт языковой личности указывал и В.В. Виноградов, в лингвистической теории исследования художественной прозы которого находим истоки разграничения социально-поведенческой и речевой реализаций языковой личности.

Под языковой личностью мы понимаем совокупность творческих (лингвистических) способностей и социопсихолингвистических характеристик индивида, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений, отображающих соответствующие черты личности и потому обладающих определённой когнитивной глубиной, коммуникативно-прагматической направленностью, структурно-языковой целостностью.

Предлагая различные аспекты интерпретации языковой личности, учёные основываются на главных свойствах языка и базовых понятиях языкознания. В зависимости от критериев описания языковой личности её характеризуют диалектную, коммуникативную, дискурсивную, соционическую и т. п. [см.: 2; 3; 5; 10 и др.].

Термин "языковая личность" получил различные интерпретации. Прежде всего, он обозначает человека как носителя языка в его способности осуществлять речевую деятельность, то есть комплекс психофизических свойств индивида, позволяющих создавать и воспринимать речевые произведения. Так характеризуют речевую личность. Языковую личность иногда интерпретируют как словарную, этносемантическую, определяя её как закреплённый в лексической системе базовый национально-культурный прототип носителя конкретного языка, своеобразный "семантический фоторобот", созданный на основе мировоззренческих установок, ценностных приоритетов, особенностей поведения, отображенных в словаре [2, с. 65-66].

Как один из вариантов, ориентируемых на национально-культурное своеобразие, рассматривают национальную языковую личность, соответствующую определённой национальной культуре. Общеизвестно, что языковое самосознание, составляющее основу языковой личности, является частью культурного самосознания. "Между осознанием элементов языка и других элементов культуры нет чётко выраженной границы... В переломные исторические эпохи родной язык становится символом национального самосознания. Существенно также, что осознание элементов языка или языковой структуры текстов совершается теми средствами и идёт по тем путям, которые предоставляет личности культура" [9, с. 35].

Языковую личность часто характеризуют в процессе литературного творчества и соотносят её с автором текста, который, используя личный тезаурус, создаёт тексты на основе индивидуальных знаний о мире, зафиксированных в значениях слов и ассоциативно-вербальных комплексах, соответствующих национально-психическому состоянию ума и личной заинтересованности в интерпретации определяемых фактов [6]. Таким образом, практически каждая отрасль лингвистики в зависимости от цели, аспектов и особенностей изучения языковой личности выработала свою интерпретацию данного понятия. Закономерным в связи со сказанным представляется формирование отдельного направления в филологии "лингвистической персонологии" как дисциплины, изучающей "личность в общении" [9].

В пределах изучения проблем билингвизма и связанных с ними вопросов изучения иностранных языков возник термин "вторичная языковая личность".

Личность, познающая окружающий мир и выражающая свои знания с помощью языковых средств, пользуется не только доставшимися ей "генетически" национальными богатствами языка, но и интерпретирует их в соответствии с личным социальным, культурным, профессиональным, речевым опытом. Поэтому индивидуальные картины мира содержат как объективно доставшиеся, так и индивидуально приобретённые, субъективно освоенные знания (языковые, профессиональные, культурные и др.). Это важно учитывать при изучении иностранных языков. Освоение неродного языка начинается со знакомства с его фонетическими, грамматическими и лексико-семантическими ресурсами. Особое значение для познания картины мира носителей другого языка имеет знакомство с его лексическими средствами. Выбор тем и соответственно лексико-тематических групп слов, представляющих ключевые концепты иной национальной культуры или актуализирующие те фрагменты картины мира, которые имеют транснациональный характер (семья, образование, мой день и др.), способствуют как актуализации базовых представлений личности, так и их формально-смысловой интерпретации с помощью средств другого языка. На базовом этапе изучения иностранного языка происходит расширение вербально-семантического уровня языковой личности за счёт пополнения лексического запаса родного языка лексическими эквивалентами второго языка. Сеем предположить, что в этот период изучающие иностранный язык не воспринимают его лексику как экспликатор иной национальной культуры во всём объёме её концептуального потенциала. Скорее, она воспринимается как "дубликат" своей "родной". Поэтому основные требования к изучающим иностранный язык на этом этапе включают базовое знание фонетической, лексической и грамматической систем языка, предусмотренное для порогового уровня и в рамках требований к профессионально-ориентированной коммуникативной компетенции, владеют основами диалогической и монологической речи, обладают способностью к аудированию в непосредственном общении и в звукозаписи, опираясь на изученный языковой материал, социокультурные знания и навыки/умения языковой и контекстуальной догадки. Прежде всего, учащиеся овладевают значениями иностранных слов, их коммуникативным потенциалом, который они способны использовать для выражения собственных мыслей. Здесь мы можем говорить об этапе овладения иным языковым кодом, отличным от кода родного языка. Созданные элементарные тексты, как правило, иллюстрируют знание основного лексического значения слова (то, что впоследствии формирует ядро концепта) и редко всё семантическое разнообразие лексемы. Анализируя коммуникативно-речевые способности языковой личности на базовом этапе изучения иностранного языка, мы констатируем этап формирования дополнительного языкового кода, параллельного родному языку. В связи со сказанным критично относимся к термину "вторичная языковая личность", активно используемому специалистами по изучению русского языка как иностранного [12]. Соглашаясь в целом с теоретическими основаниями описания данного лингвистического явления, считаем некорректным интерпретацию языковой личности как вторичной. Следовательно, существует первичная языковая личность, что, на наш взгляд, противоречит психологическим аспектам изучения здоровой личности как таковой.

Мы убеждены: способность индивида к изучению иностранных языков развивает определённые структурные уровни языковой личности, обогащая другими, кроме родного, языковыми кодами. С этой позиции основной целью овладения иностранным языком нам представляется формирование и расширение когнитивного и мотивационного уровней языковой личности на основе иноязычного вербального кода, с помощью которого происходит дифференциация на "свой" и "чужой", который углубляет знания о "чужом" до такой степени, когда языковая личность превращается в полилингва, когда языковая картина мира индивида включает национальный ("свой") и инациональный ("чужой") как составные фрагменты языковой картины мира индивида в целом. Именно в таком аспекте предстоит изучение языковой личности инофона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Боринштейн Е. Р., Кавалеров А. А. Личность: ее языковые ценностные ориентации / Е. Р. Боринштейн, А. А. Кавалеров. – Одесса: Астропринт, 2001. – 168 с.
2. Воркачѳв С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С. Г. Воркачѳв // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64-72.
3. Голев Н. Д., Замилова А. В. Лингвосоционическая типология языковой личности и возможности ее применения в личностно-ориентированном обучении / Н. Д. Голев, А. В. Замилова // Электронный журнал: Вестник Кузбасской педагогической академии. Раздел: Филологические науки. Режим доступа: <http://vestnik.kuzspa.ru/articles/39/>
4. Ильенков Э. В. Так что же такое личность / Э.В. Ильенков // С чего начинается личность? – М., 1979. – С. 216.
5. Карасик В. И. Дискурсивная персонология / В.И.Карасик. // Язык, коммуникация и социальная среда. Выпуск 7. – Воронеж: ВГУ, 2007. – С. 78-86.
6. Караулов Ю. Н. На уровне языковой личности / Ю. Н. Караулов // Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. – Вып. 164. – М., 1985.– С. 12-18.
7. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Изд.4-е, стереотип. / Ю.Н. Караулов. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 264 с.
8. Леонтьев А. А. Личность, деятельность, образование / А.А. Леонтьев // Языковое сознание и образ мира: Сб. статей / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. – М., 2000. – С. 7-12.
9. Нерознак В.П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины / В.П. Нерознак // Язык. Поэтика. Перевод: сб. науч. тр. Моск. линг. ун-та. Вып. 426. – М.: Изд-во Моск. линг. ун-та, 1996. – С. 112-116.
10. Никитина С. Е. Языковое сознание и самосознание личности в народной культуре / С. Е. Никитина. // Язык и личность: Сб. статей / Отв. ред. Д.Н. Шмелев. – М.: Наука, 1989. – С. 34-40.
11. Петровский В. А. Личность в психологии: парадигма субъектности / В.А. Петровский. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. – 512 с.
12. Халеева И. И. Вторичная языковая личность как реципиент инофонного текста / Халеева И. И. // Язык-система. Язык-текст. Язык-способность. – М., 1995. – С. 277-285.

УДК 81'373.611

Нина Тропина
(Херсон)**МИРОВИДЕНИЕ И МЕТАФОРИЧЕСКАЯ НОМИНАЦИЯ:
НОВАЯ ТЕХНОКРАТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ**

Становлення нової технократичної моделі метафори розглядається як результат виникнення нового технократичного світобачення, нового технократичного стереотипу світосприйняття.

Ключові слова: типологія метафор, метафорична номінація, мовна картина світу, стереотипи світосприйняття.

The article focuses on the formation of a new technocratic model of metaphor as the result of a new technocratic world view, a new technocratic stereotype perception of the world.

Key words: typology of metaphors, metaphorical nomination, language world, world perception stereotypes.

Одним из достижений антропоцентрической парадигмы языкознания является изучение метафоры не только и не столько как художественного тропа, но как средства номинации и когнитивного освоения действительности в "обычной" жизни, в науке (в публицистике метафора приближается к художественной, поскольку чаще всего выполняет